

УДК 168.1

Науково-теоретичний альманах «Грані»
Scientific-theoretical almanac «Grani»

«Grani». 2016. 138(10), 30-37.
doi:10.15421/1716102
www.grani.org.ua

Приватность как конвенциональный концепт: к обоснованию исследовательской стратегии

Е.В. Ходус¹

В рамках настоящей статьи предлагается оригинальная исследовательская стратегия анализа приватности, которая предполагает понимание данного феномена в качестве конвенционального концепта. Утверждается, что в современном интеллектуальном пространстве, отмеченном неприятием любых «тотализирующих» истин, всякие попытки привести существующие трактовки какого-либо явления к некоему общему знаменателю выглядят бесперспективно. Однако это вовсе не отменяет необходимости интеллектуальной деятельности по уточнению терминологического и концептуального словаря науки. Идею конвенционального концепта как раз и можно рассматривать в качестве попытки такой деятельности. Доказывается, что предлагаемая оптика обладает особой эвристикой в силу того, что актуализирует критическую саморефлексию исследователя, которая включает, с одной стороны - оценку собственной рефлексивной позиции, а с другой – характер актуальной социокультурной ситуации, задающей параметры производства научного дискурса. Обосновывается, что построение конвенционального концепта приватности как часть аналитической работы обеспечивает первичное упорядочивание, начальную классификацию разрозненных феноменов, семантических единиц составляющих содержание приватности и имеющих выраженную контекстуальную природу.

Ключевые слова: методология социального познания; эпистемологическая ситуация; постмодерн; концепт; приватность

Privacy as the conventional concept: to the rationalization of the research strategy

Y.V. Khodus²

An original research strategy of the privacy analysis, which involves the understanding of this phenomenon as a conventional concept, has been suggested by the author. It has been shown that any attempt to bring the existing interpretation of any phenomenon to a common denominator look hopeless in the intellectual space, marked by the rejection of any «totalitarian» truths. However, this does not negate the need of the intellectual activity in the sphere of the clarification of the terminological and conceptual vocabulary of science. The idea of the conventional concept can be used as an attempt in such activities.

The methodological tool of the conventional concept is a reflective approach which takes into account the dual nature of social reality and sets the corresponding epistemological view. It had been described in ideas of social analysis of P. Bourdieu and the hermeneutics of E. Giddens.

The reflexive approach allows overcoming the limitations that are associated with principles of universalism, rationalism, historicism and objectivity, on which the classic «matrix» of European cognitive culture is settled. It is proved that the suggested optics has a special heuristics, which actualize the critical self-reflection of the researcher, and include on the one hand, the assessment of their own reflexive position, and on the other – the nature of the current social and cultural situation which defines the parameters of the scientific discourse's creation.

It has been grounded that the idea of conventionality with regard to privacy allows, firstly, combining more usefully methodological innovations and techniques to various areas of contemporary philosophy and social theory.

It has been proved that the creation of privacy's conventional concept as a part of the analytical work provides the primary ordering, the initial classification of disparate phenomena, semantic units that form the content of privacy and have a strong contextual nature.

According to this, privacy is a product of the simultaneous interaction of social, individual, scientific, ideological, social and cultural factors which structure and formalize its phenomenology and epistemology, i.e. scientific order, the language of its description.

Keywords: methodology of social cognition; the epistemological situation; postmodern; concept; privacy

¹ Кандидат социологических наук, доцент; Днепрпетровский национальный университет им. Олеса Гончара, 49010, Днепр, пр. Гагарина, 72

² PhD in sociology, associate professor; Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, 72, Gagarin Ave., Dnipro, 49010, Ukraine

³ Кандидат соціологічних наук, доцент; Дніпропетровський національний університет ім. Олеса Гончара, 49010, Дніпро, пр. Гагаріна, 72
E-mail: hodus2@ukr.net

Приватність як конвенціональний концепт: до обґрунтування дослідницької стратегії

О.В. Ходус³

Пропонується оригінальна дослідницька стратегія аналізу приватності, яка передбачає осмислення даного феномена як конвенційного концепту. Стверджується, що в сучасному інтелектуальному просторі на тлі очевидного несприйняття будь-яких «тоталізуючих» істин, всілякі спроби привести існуючі трактування певного явища до якогось спільного знаменника виглядають безперспективними. Водночас, це зовсім не скасовує необхідності інтелектуальної діяльності з уточнення термінологічного і концептуального словника науки. В певному сенсі, ідею конвенційного концепту якраз і можна розглядати як приклад саме такої діяльності. Доводиться, що оптика, яка пропонується, має особливу евристику в силу того, що актуалізує позицію критичної саморефлексії дослідника, яка включає, з одного боку - оцінку власної рефлексивної позиції, а з іншого - характер актуальної соціокультурної ситуації, яка, в свою чергу, задає параметри виробництва наукового дискурсу. Обґрунтовується, що побудова конвенційного концепту приватності, як частина аналітичної роботи, забезпечує первинне упорядкування, початкову класифікацію розрізаних феноменів, семантичних одиниць, що становлять зміст приватності і мають виражену контекстуальну природу.

Ключові слова: методологія соціального пізнання; епістемологічна ситуація; постмодерн; концепт; приватність

Peer-reviewed, approved and placed: 10.09.2016.

Постановка проблеми. Следует признать, что на фоне нарастающего «кризиса легитимации» (в терминологии Ю. Хабермаса) отличительной чертой актуальных социальных реалий становится все более выраженный приоритет приватной «линии бытия». Именно приватная жизнь – сфера, где «я существую для себя» – оказывается сегодня действительно значимым пространством мобилизующей активности человека. При этом на уровне теоретической рефлексии понятие приватности остается все еще маргинальным, его содержательная нагрузка в большей степени отвечает классическому (модерновому) порядку производства социогуманитарного дискурса, малопродуктивному, надо сказать, в изменившихся социокультурных условиях. Между тем, очевидно, что новая онтология требует новой концептуальной оптики, предполагающей предельную рефлексивность актуальной понятийной сетки, ключевые элементы которой были сформированы когда-то ранее, в иных социальных условиях и для других целей. Принимая во внимание этот факт, мы разделяем методологическую позицию З. Баумана, согласно которой «главное сегодня – не столько отказ от некоторых центральных для современной социальной теории категорий (это самое легкое), сколько освобождение от навыков мышления, связанных с использованием этих категорий» [1, с.77]. Наряду с прочими такой категорией, до последнего времени ускользавшей от серьезной рефлексивной работы, оставалась категория приватности.

Таким образом, исследовательская проблема, вызвавшая интерес к реинтерпретации приватности, состоит в противоречии между современным онтологическим статусом приватной сферы жизни (имеется в виду расширение «приватного масштаба» восприятия социальной реальности) и отсутствием адекватного интерпретативного инструментария, который позволил бы (ре)актуализировать эвристический потенциал понятия приватности в языке современной науки.

Цель исследования. Принимая во внимание то обстоятельство, что гносеологический статус понятия приватности достаточно неопределенный и по-

лисемантический, целью настоящей статьи является обоснование стратегии рассмотрения приватности в качестве конвенционального (в значении – соответствующего условиям) концепта. Представляется, что предложенный исследовательский прием позволяет, во-первых, преодолеть сложившееся «гносеологическое напряжение» в отношении дефиниции приватности, во-вторых, обнаружить структурную логику описания данного феномена с учетом различных теоретических перспектив и разнообразных практических контекстов.

Изложение основного материала. Феноменология приватности противоречива и парадоксальна. Методологически – с точки зрения теоретической рефлексии – понятие приватности имеет довольно расплывчатое смысловое наполнение, допускающее множество значений, коннотаций и еще больше интерпретаций. Семантическое поле, в котором существует само слово «приватное» (от латинского «privatus», что буквально означает «частный»), сегодня достаточно обширно. К приватности принято относить сферу удовлетворения частных интересов, пространство личной автономии, укрытие, «которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от жестокой реальности внешнего мира – от публичности, государства и рынка» [9, с. 9-10]. Термином «приватность» маркируются области социальной жизни, защищенные от всех, кроме тех, кто составляет близкий круг, то есть «это сфера домашнего мира, сфера отношений с «пониманием без слов», это мир доверия, где личность может проявлять своеобразие вкусов, стилей потребления... Этот мир ассоциируется с уютом, комфортом, добровольным выбором [9, с. 11]. Короче говоря, к приватным сюжетам можно отнести все то, что придает ценность человеческому существованию, находится в области опыта субъективности и межличностных отношений, любви, семьи, детей, дружбы, эротики, секса, эмоционального мира личных переживаний, политики идентичностей. В целом названные понятийно-дефинитивные характеристики совершенно справедливо подводят к мысли, что приватная жизнь связана

с самыми существенными сторонами человеческой жизни. Как самостоятельное явление, окончательно оформившееся в условиях новоевропейской цивилизации, приватность в дальнейшем подвергалась неоднократному переозначиванию. В различных социокультурных обстоятельствах она виделась то главным злом, угрожающим «коллективному целому», идее общности и общественного блага то, напротив, признавалась безусловной смысловой ценностью, не только не противоречащей практикам солидарности и сотрудничества, но и способствующей их утверждению. Очевидно, что осмысление места и роли приватности имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. Если для западной культуры приватность традиционно выступает одним из основополагающих аксиологических понятий, то в постсоветских реалиях та форма «скрытой социальности», которую принято обозначать английским словом «privacy», будучи востребована как индивидом, так и научным сообществом, тем не менее, получила легитимный статус сравнительно недавно. О чем свидетельствует, к слову, активная представленность в последнее время проблематики, связанной с приватностью, в научных изданиях, выходящих на постсоветском пространстве. В частности, ведущая научная электронная библиотека eLIBRARY.RU, аккумулирующая издания на русском языке в мире, на запрос со словом «приватность» за последние 9 лет выдает 85 академических текстов (для сравнения с 2001 по 2005 год таких статей было всего 8, а за период 1991-1999 гг. – подобные публикации вообще отсутствуют)¹.

Возвращаясь к тематике нашего исследования, заметим, что с точки зрения простой семантики понятие приватности, как и все означающие его слова и словосочетания – «частная жизнь», «личное», «собственное», «внутренний мир», «интимное», «тайное», «неформальное», в силу их укоризненности в современной обиходной речи, кажутся вполне ясными и определенными. Приватность воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хорошо знакомое и вроде бы понятное с точки зрения здравого смысла, «практического чувства». А раз так, что здесь теоретизировать? Вместе с тем ирония ситуации в том и состоит, что как только приватность становится, к примеру, объектом эмпирической операционализации, ее самоочевидность оказывается проблемой как для исследователей, так и для самих респондентов. Просьба продолжить высказывание: «Приватное для меня это – ...?» сразу же обнаруживает, во-первых, затруднения в артикуляции самого смысла феномена, что, в свою очередь, требует дополнительных уточнений, раскрывающих, наводящих вопросов где, у кого и как эта самая приватность существует (прежде всего, «на уровне методологии проектирования полевого исследования, приведения концепта к операнту – идеи к действию» [3, с. 199]; во-вторых, отсутствие смысловой однозначности в высказываниях респондентов.² Обнаружилось, что для одних приватность – это «возможность остаться одному» (Дмитрий, 44 года, предприниматель). Понимание приват-

ности, в данном случае, связывается с возможностью уединения, нахождения без/вне внимания Другого. Еще один информант (Анастасия, 33 года, преподаватель) смысл приватность раскрывает в высказывании «не мешайте мне жить так, как хочу». Право на приватность здесь заявляется через манифестацию индивидуальности, отдельности, автономности), третьи, говоря о приватности, замечают, что «это исключительно мое право выбора общения с людьми, с которыми я хочу или не хочу поддерживать отношения» (акцентуация на коммуникативной природе приватности). Показательно еще одно высказывание: «а приватность вообще существует?» (Кирилл, 20 лет, студент). В самом деле, насколько возможно, существуя в режиме максимальной визуальной и информационной проницаемости, сохранять это самое «частное пространство» как место молчания и вдумчивого вслушивания в свой внутренний голос, если это место сегодня наполнено голосами «извне»?

Приведенные высказывания, тем самым, ставят под сомнение сам факт отнесения приватности исключительно к области докисического опыта, неявного знания. Оказывается, что такое знание у всех разное, соответственно и сами приватности (ее смысловые коннотации) разнятся. В терминах К. Гирца понятие приватности относится к разряду «удаленных от опыта» [5, р. 56-57], потому что непосредственно переживать какую-то там приватность участник исследуемой культуры не способен, тем более, если в его языковой картине нет подходящего слова для обозначения этой самой приватности. Так, если для англо-саксонской языковой традиции понятие «privacy» широко употребляется не только в юриспруденции или дизайне, но и в бытовом языке, то его присутствие, к примеру, в украинском языковом пространстве уже не столь очевидно, хотя и возможно обнаружить определенное созвучие между английским «privacy» и украинскими лексемами «приватне життя», «приватна власність», «приватні стосунки». Для русской же языковой картины само слово «приватность» выглядит неорганично, и проблема эта отнюдь не лингвистическая. Как отмечает И. Утехин, в русском языке до самого последнего времени не было слова «приватность», хотя формально в законодательстве имелись соответствующие нормы (например, о неприкосновенности жилища и личности). Сегодня это слово используется преимущественно в юридической сфере, но не в разговорном языке. Однако прилагательное «private» на русский всегда можно было перевести – либо как частный, либо как личный [14, с. 377].

Следует отметить, что исследовательская ситуация с осмыслением приватности еще более осложняется, когда респонденты задействуют в свое «говoreние» о собственном приватном опыте культурные контексты. Так, на одном из интернет-форумов нам встретились материалы дискуссии на тему «Про публичность и приватность», где автор сообщения искренне недоумевает, почему у американцев двери в доме стеклянные: «Ну вот навскидку, помните фильм «Один дома»? Дверь там помните? Многодетная

семья уехала в отпуск, закрыв дом на стеклянную дверь... Ну как можно жить за такой дверью, а? Как вообще можно спать ложиться в таком, с позволения сказать, доме? Ведь даже наши живопырки-квартиры по 30 квадратных метров площади, в которых решительно нечего красть, со старушечьими обоями, старым бабушкиным секретером и ковром на стене с 1983 года, имеют бронированные сейфовые двери и решетки на окнах до второго этажа включительно...» [Елена, 44 года, Москва, Россия, <http://www.babyblog.ru/user/Zamarashka/434994#>. Дата обращения: 22.10.2016].

Еще более показательны наблюдения о приватности – ее феноменальном переживании, представлениях о физическом оформлении, «реальности» границ – «наших» людей, оказавшихся «там». Например, участница дискуссии из ... пишет: «Я три года училась в Финляндии и общага у нас была квартирами. Так вот 3 года у нас дверь НЕ закрывалась на замок. Только если уезжали на каникулы. Это было в маленьком тихом городке. Но знаю, есть ли такие финны, которые и в Хельсинки не закрывают дверь ;) пока сами дома. И подруга тоже постоянно забывает запереть, даже, уезжая на выходные в Россию. Да, кстати, в бассейнах в Финляндии на фотоаппарат снимать нельзя! Все мои попытки заснять первый поход сына в бассейн вежливо, но сразу пресекли» [Финляндия, Хельсинки, http://www.babyblog.ru/user/Zamarashka/434994#comm_start. Дата обращения: 22.10.2016].

Приведенные материалы форума с очевидностью демонстрируют, что в вопросе понимания смыслов приватности дело обстоит как «во внутренней культуре» (принимая во внимание разнообразие культурно-специфических феноменальных вариантов приватности), так и в проблеме обнаружения логики концептуализации феномена, то есть в эпистемологических основаниях его объяснения. Помимо очевидной культурной компоненты, понятие приватности обладает ярко выраженным междисциплинарным статусом, что с неизбежностью порождает ситуацию конфликта интерпретаций сущности феномена. Симптоматично, что, пытаясь разобраться в содержании концепта «приватность», исследователь с неизбежностью сталкивается с его двусмысленностью. Мультипликация знаний о приватности дала повод некоторым представителям ученого сообщества считать концепцию приватности запутанной и малопригодной для использования. Согласно А. Миллеру «приватность раздражающе неопределенна и быстротечна» [8, р. 754]. Продолжая его мысль, Х. Гросс констатирует: «Концепция приватности инфицирована губительными неясностями» [8, р. 754]. Р. Пост аналогично замечает: «Приватность – это такая сложная ценность, так запутана в конкурирующих и противоречивых измерениях, так напичкана различными и отличающимися смыслами, что иногда я отчаиваюсь, может ли она быть использована для адресации хоть по отношению к кому-нибудь» [8, р. 755].

В самом деле, дисциплинарное многообразие

в анализе приватности предполагает, что каждая из исследовательских оптик обладает своей специфической проблематикой и языком, что создает, с одной стороны – разноцветную палитру описания приватности, помогает более рельефному пониманию, но с другой – продуцирует состояние, которое П. Штомпка определил как «шизофрению научного мышления» [17, с. 152]. Вместе с тем, полифоничность подходов, которые задействуются философами, социологами, историками, антропологами в их дискурсах о частных событиях, вовсе не создает проблемы. Более того, на фоне дисциплинарной специализации и полипарадигмального состояния, современного социогуманитарного знания, какие бы то ни было претензии на необходимость создания единого, универсального категориально-понятийного русла, в том числе и в случае изучения приватности, вряд ли осуществимы. Напротив, «параллаксное видение» (в терминологии С. Жижека) как стратегия работы с материалом, предполагающая произвольный отбор и синтез нерядоположенных подходов, дает возможность более глубокого, рельефного, панорамного описания сложной феноменологии приватности. Потому, в отношении интерпретативного инструментария, концептуализация приватности, по необходимости, должна основываться на эвристических возможностях разных исследовательских стратегий.

Принятие данного тезиса открывает большие перспективы для более нюансированного, сравнительного изучения феномена приватности и, соответственно, позволяет преодолеть ограничения, связанные с принципами универсализма, рационализма, историзма и объективности, на которых покоилась классическая «матрица» европейской познавательной культуры. Поддержку данному аргументу можно найти у американского прагматиста Р. Рорти – сторонника радикального эпистемологического релятивизма. Согласно его утверждениям в настоящее время существенно подорван былой статус эпистемологии, поскольку процесс познания перестает быть нацелен на выявление истины, приближение к сущности, глубинной природе вещей. «Мы не можем считать истину целью познания. Задача познания достигать согласия между людьми относительно того, что им следует делать» [12, р. 34]. Как следствие – универсалии утрачивают самоценность, а апелляция к абсолютам не воспринимается как серьезный способ аргументации. По мнению Р. Рорти, все более отчетливо звучит мотив о том, что «ничему не дано быть вечным и неизменным, свободным от детерминированности конкретным историческим контекстом и застрахованным от воздействия случайностей» [12, р. 45].

Руководствуясь сказанным можно заключить, что речь идет о значимых сдвигах в классической (модерновой) методологии социального познания, исчерпанности тех принципов, «которые артикулировали мышление в прежние времена и задавали его эвристические горизонты» [16, с. 97-113]. Особую популярность позиция негативной критичности в отношении классических моделей описания реальности получила у сторонников постструктуралистских

и постмодернистских концепций. В самом общем виде их идеи сводятся к невозможности беспредпосылочного отображения «внешнего» мира на фоне практических логик, рефлексивных компонентов и субъективных смыслов, им органически присуща интенция на интерпретацию, понимание, культурное посредничество. Как следствие, жесткий концептуальный синтез классического типа замещается мягкими методами социального познания с гибкой настройкой на функционально-ролевую и культурно-историческую специфику исследуемых объектов. Тем самым был обозначен новый ракурс для анализа самых разнообразных явлений социальной жизни с акцентом на взаимосвязь логических конструкций социальных наук с устройством ментального аппарата самих исследователей. В силу этого сама идея создания универсальной социальной науки, универсальной социальной теории (а в нашем случае возможности универсальной концепции приватности) ставится под сомнение, поскольку различные субъективные позиции отдельных людей – наблюдателей, субъектов познания, будучи в сущности несоизмеримыми, не могут быть подчинены какому-либо общему, (вне) временному, (вне) историческому, универсальному принципу.

С учетом сказанного можно заключить, что сложившаяся гносеологическая ситуация вынуждает представителей социогуманитарного знания радикально пересматривать основания собственной научной деятельности. Главную трудность в этом случае создает решение проблемы: как, сохраняя критерии научности и не уходя в область абсолютизации субъективного опыта, дать максимально полное описание взаимодействия индивида и социума, не типизируя при этом индивида и не сводя его к статусу безликой социальной единицы. Как сохранить баланс между универсалистскими и партикуляристскими тенденциями нашего мышления? Проекция наличной эпистемологической ситуации на проблемное поле исследования приватности, в свою очередь, ставит более конкретный методологический вопрос: как снять неизбежную неопределенность (парадигмальную, дисциплинарную, терминологическую, семантическую) в использовании категории «приватность», как внести ясность, критичность в ее определение? С одной стороны, культурное своеобразие приватности, выраженная субъективность в ее переживаниях, отвергают признание универсальной сущности этого феномена. С другой – если рассматривать понятие приватности не в качестве широкой экзистенциальной категории, а как инструмент теоретической работы, то возникает логичное требование необходимости выявления его обобщенной/собирающей сущности, проецируемой на все многообразие частных случаев приватности. Еще раз подчеркнем что решая поставленный методологический вопрос, мы не ставим себе целью формулировку собственно определения приватности как некой отвлеченной, универсальной абстракции, или же заключения совокупности признаков в жесткие лингвистические границы, но учет конкретной и прагматической реальности. Нам важно не столько

определение само по себе, сколько обозначение (выделение знаков, семантических референций) концепта приватности, обеспечивающего «узнавание» соответствующих ему феноменов, а значит ориентацию во внешней среде.

Спектр этих и других вопросов говорит о том, что феномен приватности нуждается в социально-философском анализе, и, в частности, в экспликации тех значений и смыслов, в каких приватность существует в современном обществе. Говоря о собственно философском видении приватности, мы предлагаем акцентировать внимание на выявлении и всестороннем осмыслении напряжений, противоречий, разногласий, смысловых нюансов нашего предмета исследования, словом – предлагаем, вслед за М. Фуко (если будет позволено нам так высоко поднимать планку теоретизирования), мыслить о приватности несколько иначе. «Не в том ли состоит дело философии, чтобы узнавать – вместо того, чтобы узаконить уже известное – как и до какого предела можно было бы мыслить иначе?» [15, с. 53]. Стремление к «развивающей диверсификации», как сказал бы Н. Луман, то есть к умножению различий, росту разнообразия исследовательских позиций, вполне оправдано рефлексивной природой самого социально-философского знания.

Итак, стремление мыслить несколько иначе о таком феномене и понятии, как приватность, смысл которого в современной культуре остается не проявленным сколь-нибудь общепринятым способом даже на уровне повседневной семантики, по необходимости ставит вопрос когнитивных норм, разработки оригинального (отличающегося) метода. Представляется, что идея конвенционального концепта как раз и является тем приемом, который позволит расширить исследовательские горизонты аналитики приватности. Заметим, что методологическим основанием избранного нами исследовательского приема является рефлексивный подход, принимающий во внимание двойственную природу социальной реальности и задающий соответствующий теоретико-познавательный ракурс ее описания в духе социоанализа П. Бурдьё и двойной герменевтики Э. Гидденса.

Применительно к исследовательскому процессу обозначенные принципы рефлексивности и двойной герменевтики позволяют заострить внимание на следующих аспектах. Во-первых, подчеркнуть неотделимость анализа создаваемой исследователем социальной теории как объясняющей формы социальной реальности от самой этой реальности, что дает возможность преодолеть заимствованную из естественных наук модель, в которой активный разум исследует то, что нейтрально и пассивно. При таком понимании социальная теория есть часть жизненного мира, производная «контекста жизни и деятельности» ученого, его жизненно-практического участия в социальных отношениях, его габитуса [2]. Как верно подметил Ю. Резник: «Это теория о том, как исследователь конструирует социальную реальность не с помощью внешнего и отстраненного наблюдателя, а присутствуя («живя») в ней постоянно. Напротив, его теоретическое существование есть момент самопре-

зентирующей экзистенции, полагающей себя во вне в качестве субъекта» [11, с. 309].

Во-вторых, перспектива двойной герменевтики и рефлексивности позволяет говорить о социально сконструированном характере самой социальной реальности, а социальную теорию рассматривать в качестве инструмента такого конструирования. Социальное знание, таким образом, выступает интегративной частью конституирования реальности. Из положения о конструктивистской природе социальной реальности вытекают важный для методологии нашего исследования существенный момент – отход от нерелективного детерминизма процессов теоретизирования. Согласно требованию рефлексивности «рефлексия над социальным объектом изменяет сам этот объект» [6, с. 145]. В этом плане, понятия социальной теории, являясь результатом конкретного социокультурного контекста, сами становятся частью социальной реальности, меняя природу этой реальности. Социальная реальность не существует как таковая, вне и независимо от человеческих представлений о ней. Более того, сама социальная реальность неотделима от ее понятийных определений, то есть от тех категорий, которыми пользуются агенты социального действия. Рефлексивная позиция исследователя предполагает также необходимость «обозначения места, из которого он говорит». Сложно не согласиться с Н. Козловой, полагающей, что «...выбор исследователем языков средств свидетельствует, из какой теоретической картины мира он исходит, как понимает социальное действие и самого человека» [10, с. 151].

Иллюстрацией, подтверждающей справедливость данного положения, могут служить понятия, существующие в науке в тот или иной период времени и претендующие на «парадигмальный статус». В этих понятиях или «корневых метафорах», как выразился М. Соколов, обозначая наиболее яркие эпизоды в истории социального теоретизирования [13, с. 4], объективизируются сдвиги самого социального порядка. В этой связи увеличение в настоящее время в языке современной социальной теории удельного веса проблематики частной жизни – такой, казалось бы «периферийной», (вне)событийной, с точки зрения классической методологии познания, сферы – отнюдь не прихоть академически не заинтересованного созерцания. Этот интерес следует рассматривать и как свидетельство деконструкции современного миропорядка в целом, и как симптом (в терминологии Ж. Лакана) внутренней трансформации интеллектуальных ориентиров и исследовательских практик социально-гуманитарного знания.

В целом, применительно к цели нашего исследования, принятие представленных выше утверждений предполагает признание следующего: там, где речь идет об изучении человеческих (со)обществ, требуется двойной методологический подход, ориентированный как на специфически человеческие, «субъективные», так и «объективные» характеристики объекта/феномена. Преодоление классических (модерновых) противопоставлений индивида и общества, социального действия и социальной структуры,

позиции наблюдателя социального мира и объекта его наблюдения, предполагает рассмотрение разных аналитических уровней конкретного социального феномена. Это позволяет изучать объект, в нашем случае – это приватность, во всех его связях и опосредованности, в соотносительности с разнообразными контекстуальными обстоятельствами. Согласно такой позиции приватность есть продукт одновременного взаимодействия социальных, индивидуальных, научных, идеологических, шире – социокультурных факторов, которые структурируют и оформляют ее феноменологию и эпистемологию – научный порядок, язык ее описания.

В методологическом плане рефлексивный подход позволяет нам выдвинуть ряд теоретических допущений, важных с точки зрения описания приватности в качестве конвенционального (но не универсального!) концепта. Важно подчеркнуть, что универсализм в случае «говорения» о приватности уместен лишь как отсылка к безусловному априорному существованию приватного модуса бытия, имманентные, имплицитно присутствующие смыслы которого переживаются/осознаются/утверждаются каждым современным человеком. Мы исходим из того, что при всей своей онтологической универсальности экзистенциальная природа приватности, ее феноменология всегда будет различаться в зависимости от конкретного социокультурного контекста, нормативной регуляции, институциональной организации данной области жизни. Таким образом, в отличие от универсализма как целостного, всеобщего принципа научного видения, конвенциональный (соотносительный) характер концепта приватности предполагает:

- во-первых, обнаружение очевидных сходных свойств, которые мы предлагаем рассматривать в качестве конститутивных (смыслообразующих) характеристик приватности, таких как – «за(со)крытое», «внутреннее», «тайное», «частное», «личное», «индивидуальное», «свое/собственное», «неформальное» и пр., обозначающих в действительности самые разные «субъективные сущности», культурные артефакты и механизмы регулирования социальных интеракций. В этом смысле «приватными» могут быть вещи, пространственные локации, поведенческие практики, желания и эмоциональные состояния. В определенном отношении такая концептуализация приватности весьма близка логике, описанной Л. Витгинштейном в его «Философских исследованиях». В качестве аргумента ученый обосновывает мысль о том, что некоторые концепции не основаны «на одной простой вещи», а «связаны с другим множеством различных способов» [4, с. 169]. Вместо того, чтобы быть связанным через общий знаменатель, некоторые вещи имеют общую «сложную сеть сходных свойств, которые перекрываются и перекрещиваются: иногда общие сходства, а иногда и сходство в деталях» [4, с. 172]. Другими словами, понимание приватности нельзя свести к какой-либо одной общей сущности – это может быть множество самых разных сущностей, не использующих один общий элемент, но в то же время демонстрирующих схожесть между собой.

В этом случае, отказ от принципов универсальности, вовсе не есть отказ от обобщений.

- Во-вторых, конвенциональность концепта приватности акцентирует внимание на невозможности теоретических рассуждений о самом феномене (его «границах», смысловом наполнении, семантике вне конкретного контекста. Соответственно, выделяемые в зависимости от аналитических задач «сходные свойства» приватности, будут обладать разной понятийной формой и своим оригинальным эмпирическим наполнением в зависимости от конкретного контекста. Без обращения к контекстуальности невозможно понять содержание какого-либо связующего элемента – «сходного свойства» приватности. Контексты – научный, исторический, культурный, социальный, идеологический, личностный – с очевидностью дифференцируют экзистенциальный опыт переживания и осмысления приватности, отягощенный соответствующей языковой традицией, особенностями речевых коммуникаций. В этом случае простая семантика, склоняющая нас видеть в понятиях просто слова, оказывается малоинформативной, поскольку слова вне контекста лишены всякого определенного содержания. Смысл понятия «приватность» нельзя редуцировать к чему-то эмпирически узнаваемому, а потому однозначно квалифицируемому как приватное. В самом деле, как показывают исследовательские наблюдения, «приватности» у всех разные: одни тщательно оберегают свою личную жизнь с помощью домофонов и кодовых замков на дверях

парадных и квартир, а кто-то, совершенно добровольно, переживает «наедине со всеми» личную мини-драму в тех же социальных сетях. Соответственно само понятие приватности не может быть унифицированным, сингулярным, оно всегда подвижно и семантически изменчиво. Мы полагаем, что учет контекстуальности позволяет избежать превращения приватности во «всеохватное понятие с неопределенно широким концептуальным полем» [7, с. 290].

Выводы. В целом, обосновывая стратегию рассмотрения приватности в качестве конвенционального концепта, мы отнюдь не «изобретаем», как сказал бы Ж. Делез, новый концепт. Представляется, что идея конвенциональности применительно к приватности позволяет, во-первых, более продуктивно сочетать методологические новации и приемы различных направлений современной философии и социальной теории; во-вторых, на уровне аналитической работы обеспечить первичное упорядочивание, начальную классификацию разрозненных феноменов, семантических единиц, составляющих содержание приватности и имеющих при этом выраженную контекстуальную природу. Кроме того, предлагаемая оптика обладает особой эвристикой в силу того, что актуализирует критическую саморефлексию исследователя, которая включает, с одной стороны – оценку собственной рефлексивной позиции, а с другой – характер актуальной социокультурной ситуации, задающей параметры производства научного дискурса в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU – крупнейший российский информационно-аналитический портал в области науки, технологии, медицины и образования URL: <http://elibrar.ru> (Дата обращения: 29.10.2016).

² Представленные здесь наблюдения опираются на результаты исследования, проведенного автором методом полуструктурированного глубинного интервью, проведенного в ноябре-декабре 2015 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бауман З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 69-80.
2. Бурдые П. Поле науки / П. Бурдые // Социальное пространство: поля и практики. – М., СПб., 2007. – С. 473-517.
3. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов / В. Вахштайн. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. – Ч. I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 165-410.
5. Geertz C. «From the Native's Point of View»: On the Nature of Anthropological Understanding / C. Geertz // Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. – New York: Basic Books, 1983. – P. 55-70.
6. Грицанов А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм / А. Грицанов // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II, вып. 1 (2). – С. 133-147.
7. Девятко И. Социологические теории деятельности и практической рациональности / И. Девятко. – М.: «Аванти плюс», 2003. – 331 с.
8. Solove D.J. «I've Got Nothing to Hide» and Other Misunderstandings of Privacy / Daniel J. Solove // San Diego Law Review. – 2007. – Vol. 44. – P. 745-772.
9. Здравомыслова Е. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда / Е. Здравомыслова, А. Ротрих, А. Темкина // Новый быт в современной России. Гендерные исследования повседневности / Под ред. Е. Здравомысловой. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 7-20.
10. Козлова Н. Позиция исследователя и выбор теоретического языка / Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 143-152.
11. Резник Ю. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус / Ю. Резник // Вопросы социальной теории: Науч. альманах. – 2007. – Т. 1, вып. 1. – М., 2007. – С. 306-320.
12. Rorty R. Relativism: finding and making / R. Rorty // Debating the State of Philosophy: Habermas, Rorty and Kolakowski. – Westport: Ed. Jozef Niznik and John T. Sanders, 1996. – P. 31-47.
13. Соколов М. Наступающий кризис социологического теоретизирования / М. Соколов // Телескоп. – 2002. – № 5. – С. 2-7.

14. Утехин И. О бытовом ограждении / И. Утехин // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 375-383.
15. Фуко М. Жизнь: опыт и наука / М. Фуко // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 43-53.
16. Фурс В. Эпистемологические импликации постмодернового состояния (посильные размышления) / В. Фурс // Топос. – 2000. – № 1. – С.97-113.
17. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение / П. Штомпка // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 148-158.

REFERENCES:

1. Bauman, Z., 1994. Spor o postmoderne [Debates about postmodernism]. Sotsiologicheskii zhurnal 4, 69-80 (in Russian).
2. Burde, P., 2007. Pole nauki [Field of science]. Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki, 473-517. Aleteyya, Sankt-Peterburge (in Russian).
3. Vahshtayn, V., 2011. Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov [Sociology of everyday life and the theory of frames]. Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Sankt-Peterburge (in Russian).
4. Vitgenshteyn, L., 2003. Filosofskie issledovaniya [Philosophical researches]. Filosofskie raboty, 165-461. Gnozis, Moscow (in Russian).
5. Geertz, S., 1983. «From the Native's Point of View»: On the Nature of Anthropological Understanding. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology, 55-70. Basic Books, New York.
6. Gritsanov, A., 2008. Sotsialnaya realnost: osmyslenie osnovnykh paradig [Social reality: understanding of the basic paradigms]. Voprosy sotsialnoy teorii, Vol. II, Vip.1(2), 133-147, Moscow (in Russian).
7. Devyatko, I., 2003. Sotsiologicheskie teorii deyatelnosti i prakticheskoy ratsionalnosti [Sociological theories of activity and practical rationality]. «Avanti plus», Moscow (in Russian).
8. Daniel, J. Solove., 2007. 'I've Got Nothing to Hide' and Other Misunderstandings of Privacy. San Diego Law Review, Vol. 44, 745-772.
9. Zdravomyislova, E., Rotrih, A., Temkina, A., 2009. Sozdanie privatnosti kak sferyi zaboty, lyubvi i naemnogo truda [Creation of privacy as a area of care, love and wage-work]. Novyyi byit v sovremennoy Rossii. Gendernyye issledovaniya povsednevnosti, 7-20. Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Sankt-Peterburge (in Russian).
10. Kozlova, N., 2001. Pozitsiya issledovatelya i vyibor teoreticheskogo yazyika [Researcher's position and the selection of the theoretical language]. Obschestvennyie nauki i sovremennost 5, 143-152 (in Russian).
11. Reznik, Yu., 2007. Sotsialnaya teoriya: predmet i mezhdistsiplinarnyy status [Social Theory: subject and interdisciplinary status]. Voprosy sotsialnoy teorii: Nauchnyy almanah, Tom 1(1), 306-320, Moscow (in Russian).
12. Rorty, R., 1996. Relativism: finding and making. Debating the State of Philosophy: Habermas, Rorty and Kolakowski, 31-47. Jozef Niznik and John T. Sanders, Westport.
13. Sokolov, M., 2002. Nastupayushchiy krizis sotsiologicheskogo teoretizirovaniya [The coming crisis of sociological philosophizing]. Teleskop 5, 2-7 (in Russian).
14. Utehin, I., 2007. O bytovom ograzhdenii [About domestic protection]. Sbornik statey k 60-letiyu A.K. Bayburina, 375-383. Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Sankt-Peterburge (in Russian).
15. Fuko, M., 1993. Zhizn: opyt i nauka [Life: Experience and science]. Voprosy filosofii 5, 43-53 (in Russian).
16. Furs, V., 2000. Epistemologicheskie implikatsii postmodernovogo sostoyaniya (posilnyie razmyishleniya) [The epistemological implications of the postmodern state (feasible thinking)]. Topos 1, 97-113 (in Russian).
17. Shtompka, P., 2001. Teoreticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskoe voobrazhenie [Theoretical sociology and sociological imagination]. Sotsiologicheskii zhurnal 1, 148-158 (in Russian).